

Индонезия: основные параметры эффективности экономического и социального развития. Часть 2*

© Мельянцев В.А.^a, Адрова И.С.^b, 2021

^{a,b} ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

^a ORCID ID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

^b ORCID ID: 0000-0001-8954-1003; is.adrova29@gmail.com

Посвящается 65-летию создания Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

Резюме. В статье, базирующейся на авторских расчетах, моделях и индексах развития, анализируются основные тенденции и детерминанты долговременной экономической эволюции одной из крупнейших стран развивающегося мира - Индонезии на фоне успехов и неудач экономически продвинутых и отставших стран.

Несмотря на тяжелейшие последствия Азиатского финансового кризиса 1997 г., в результате которого ВВП Индонезии упал на 13% (в 1998 г.), страна встала на путь социально-экономических преобразований и смогла добиться не только быстрого, но и масштабного роста, который сопровождался рядом серьезных структурных изменений в экономике. В целом, сегодня экономика Индонезии растет более быстрыми темпами, чем экономики других развивающихся стран. Более того, в Индонезии произошли значительные улучшения некоторых из наиболее важных характеристик социального развития: доля населения, живущего в критической бедности, снизилась с 55% (в 1990 г.) до 4% (в 2018 г.), доля недоедающих в период с 1990 г. по 2018 г. уменьшилась вдвое.

В статье показано, что если системно и систематично проводить прагматичные реформы, то, несмотря на трудности и отдельные неудачи, можно за время, равное жизни одного-двух поколений, добиться значимого экономического и социального прогресса.

Ключевые слова: Индонезия, факторы и модели экономического роста, эффективность развития, социальные достижения и проблемы, экономические меры поддержки

Благодарность. Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

Для цитирования: Мельянцев В.А., Адрова И.С. Индонезия: основные параметры эффективности экономического и социального развития. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 5-14. DOI: 10.31857/S032150750014641-7

Indonesia: Main parameters of economic and social development efficiency

© Vitalii A. Meliantsev^a, Irina S. Adrova^b, 2021

^{a,b} Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

^a ORCID ID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

^b ORCID ID: 0000-0001-8954-1003; is.adrova29@gmail.com

Dedicated to the 65th anniversary of the establishment of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

Abstract. The paper, based on the author's computations, models and indices, analyzes the main trends and determinants of the long-term economic evolution of Indonesia, one of the largest countries in the developing world.

After the Asian financial crisis of 1997, as a result of which Indonesia's GDP fell by 13% (in 1998), the country embarked on the path of socio-economic transformation and was able to achieve not only rapid, but also large-scale growth, which was accompanied by a number of major structural changes in the economy. Despite a number of arising economic and social imbalances, in general, Indonesia's economy is growing at a faster rate than that of other developing countries. Main factors that contribute to the realization of the catching up and outpacing development of Indonesia's economy are export expansion, import substitution and growth of the domestic market. Moreover, Indonesia has seen significant improvements in some of the most important characteristics of human

* Окончание. Начало см.: Мельянцев В.А., Адрова И.С. Индонезия: важнейшие тренды, пропорции и факторы экономического развития. *Азия и Африка сегодня*. 2021, № 3, с. 5-13.

development, the share of the population living in critical poverty fell from 55% (in 1990) to 4% (in 2018), the proportion of malnourished people in 1990-2018 has decreased by half.

The paper shows that, despite difficulties and some setbacks, through the up-to-date implementation of well-balanced effective reforms, one can achieve significant economic and social progress during a time equal to the life of one or two generations of people.

Keywords: Indonesia, factors and models of economic growth, efficiency of development, social achievements and problems

For citation: Meliantsev V.A., Adrova I.S. Indonesia: Main parameters of economic and social development efficiency. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 4. Pp. 5-14 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014641-7

Мирное развитие Индонезии началось после завершения вооруженной антиколониальной борьбы. В 1950-1960 гг. страна была одной из беднейших в мире, с огромным дефицитом бюджета и гиперинфляцией, иногда превышавшей 1500% в год. Сначала строилась *либеральная экономика* (1950-1957 гг.), затем - *направляемая экономика* (1957-1965 гг.), наконец, *экономическая демократия* (1966-1998 гг.). В 1998 г. после ухода в отставку президента Сухарто был провозглашен *курс на реформирование* [1].

Несмотря на различие установок, неизменной чертой экономической политики во все эти периоды оставалась главенствующая роль государства в экономике, без которого осуществление догоняющего развития вряд ли было бы возможным.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РОСТА РЕСПУБЛИКИ ИНДОНЕЗИИ

Осуществление в Индонезии в последние полвека сравнительно эффективной экономической политики, базирующейся на модернизации ее основных секторов производства, улучшении инвестиционного климата, привлечении иностранного капитала, расширении внутреннего и внешних рынков, увеличении доли валовых капиталовложений в ВВП (с 4-6% в 1880-1950 гг. до 8-9% в 1951-1970 гг., 20-22% в 1970-1998 гг. и 26-28% в 1999-2019 гг.), а также среднего числа лет обучения взрослого населения (примерно с 0,4-0,6 в 1870 г. до 1,3-1,7 в 1950 г., 2,8-3,0 в 1970 г. и 8-9 лет в 2015-2018 гг.)¹ способствовали *повышению среднегодового темпа прироста производительности труда* с 0,9-1,1% в 1880-1938 гг. до 2,6-2,8% в 1970-1998 гг. и 3,4-3,6% 1998-2019 гг.

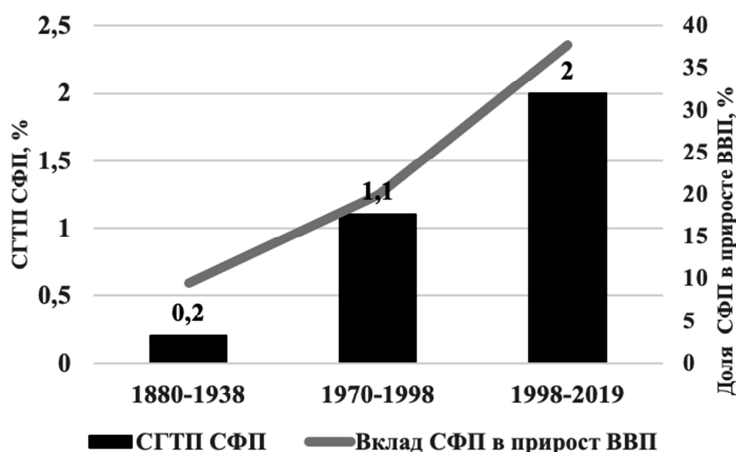

График 1. Индонезия: динамика среднегодовых темпов прироста совокупной факторной производительности и ее вклад в прирост ВВП (%).

Chart 1. Indonesia: dynamics of the average annual growth rate of total factor productivity and its contribution to GDP growth (%).

Примечания: 1. Рассчитано по формуле: $r = y - (\alpha \cdot l + (1-\alpha) \cdot k)$, где y , l , k и r - среднегодовые темпы прироста ВВП, занятости, основного капитала и совокупной факторной производительности. 2. Вклад совокупной факторной производительности в прирост ВВП исчислен по формуле: $u = r/y$, %. 3. Основной капитал рассчитан методом непрерывной инвентаризации, предложенным Р.Голдсмитом. 4. Средние показатели эластичности изменения ВВП по рабочей силе (α) и капиталу ($1-\alpha$) взяты равными, соответственно, в 1880-1938 гг. 0,6 и 0,4 и в 1970-2019 гг. - 0,65 и 0,35.

Рассчитано по: [24; 2; 3; 4, с. 145, 202; 8, с. 208-209]; TheWorldBank. WorldTables.Baltimore, 1984, p. 86.

Вклад производительности труда в прирост ВВП вырос с $\frac{1}{2}$ в 1880-1938 до $\frac{3}{5}$ в 1970-2019 гг., а *ускорение (второе)* среднегодового темпа прироста производительности труда было, по нашим подсчетам, вызвано на $\frac{2}{5}$ в результате *интенсификации перемещения рабочей силы* из отраслей с низкой в отрасли с более

¹ Составлено и рассчитано по: [24; 2; 3; 4, с. 145, 202], TheWorldBank. World Tables. Baltimore, 1984, p. 86; The World Bank. World Tables. Baltimore, 1984, p. 86, а также: [2; 3; 4, с. 145, 202].

высокой производительностью труда, и на 3/5 за счет повышения среднегодового темпа прироста производительности труда в основных секторах производства. Все это свидетельствует о том, что Индонезия в последние полвека стала переходить на модель т.н. современного экономического роста, описанного в трудах лауреата Нобелевской премии по экономике С.Кузнецца (см., напр.: [5]).

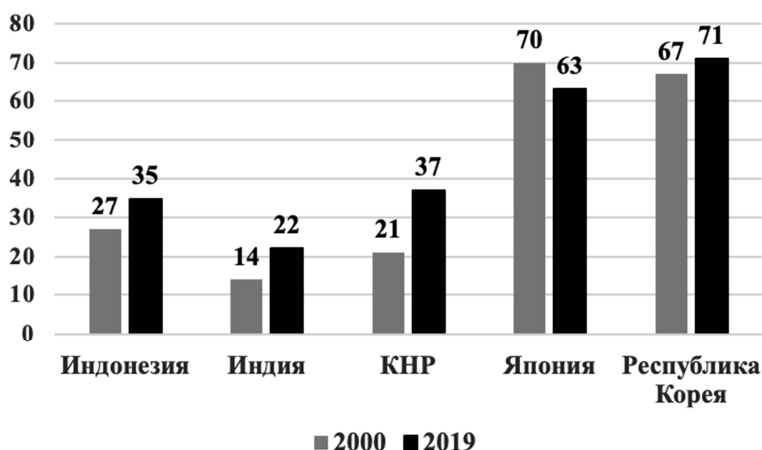

График 2. Динамика относительного уровня совокупной факторной производительности (в % к США) в 2000 и 2019 гг.

Chart 2. Dynamics of the relative level of total factor productivity (in% of the USA) in 2000 and 2019.

Рассчитано по источникам к *граф. 1* по формуле: $TFP_i/TFP_j = (Y_i / (L_i^{0.65} * K_i^{0.35})) / (Y_j / (L_j^{0.65} * K_j^{0.35}))$, где TFP_i, TFP_j , Y_i, Y_j , L_i, L_j , K_i, K_j - соответственно, уровни совокупной факторной производительности, ВВП, занятости и объема основного капитала в сравниваемой стране и США.

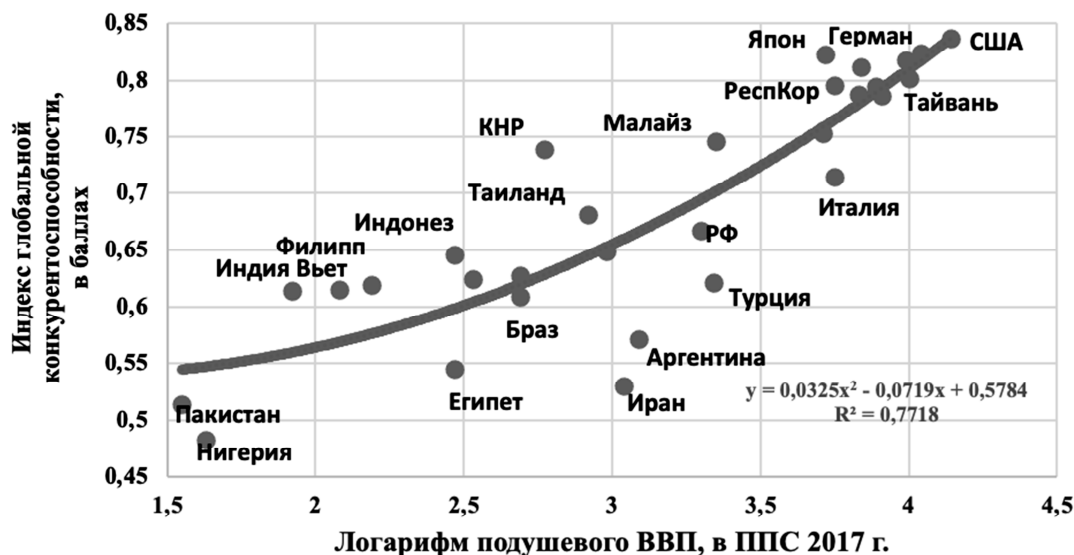

График 3. Взаимосвязь уровня подушевого ВВП и индекса международной конкурентоспособности по 30 крупнейшим экономикам мира, 2019 г.

Chart 3. Relationship between the level of per capita GDP and the international competitiveness index for the 30 largest economies in the world, 2019

Рассчитано по источникам к *граф. 1*.

Учитывая, что, по имеющимся расчетам и оценкам, среднегодовой темп прироста капиталовооруженности труда в Индонезии вырос почти в 2,5 раза (с 1,8-2,0% в 1880-1938 гг. до 4,5-4,7% в 1970-2019 гг.), можно определить, что среднегодовой темп прироста *совокупной факторной производительности* увеличился более чем в 7 раз - примерно с 0,2% до 1,5% (в 1970-1998 гг. - 1,1 и в 1998-2019 гг. - 2%), а *вклад совокупной факторной производительности в прирост ВВП* повысился с 1/10 в 1880-1938 гг. до 1/5 в 1970-1998 гг. и немногим менее 2/5 в 1998-2019 гг. Хотя по этому параметру страна примерно в 1,5 раза отстает, например, от Республики Корея и Тайваня (около 3/5), она примерно во столько же раз превышает средний показатель по развивающимся странам (1/4) (составлено и рассчитано по: [6, с. 157; 7, с. 187]).

Расчеты, произведенные нами за 2000-2019 гг., показывают, что по динамике *относительного уровня* совокупной факторной производительности Индонезия, хотя и вдвое медленнее, чем, например, Индия и Китай, подтягивается к «планке» США, но, все еще почти втрое отставая от последних, уже сократила до двукратного свое отставание от Республики Корея и Японии.

По нашим расчетам, охватывающим 30 крупнейших экономик мира (на которые приходится ~ 3/4 численности его населения и свыше 4/5 глобального ВВП), ряд ведущих развивающихся стран Востока, сумевших значительно модернизировать свою экономику, повысить норму капиталовложений, диверсифицировать структуру экспорта, оказались по *рейтингу международной конкурентоспособности* в 2019 г. существенно (в т.ч. Таиланд - на 2 позиции, Индия, Малайзия и Вьетнам - на 3, Филиппины - на 4, КНР и Индонезия - на 7 позиций из 30) выше расчетных значений рейтинга международной конкурентоспособности, сгенерированных по логарифму их подушевого ВВП (см. *граф. 3*).

Сказанное говорит о том, что, хотя в Индонезии и ряде других быстроразвивающихся стран Востока и Юга, существует, естественно, много проблем и трудностей (к анализу которых мы еще вернемся), эти страны - по крайней мере, в допандемийный период - сумели существенно продвинуться по шкале эффективности развития.

ИТОГИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Оценивая итоги развития Индонезии в период активной модернизации, добавим к сказанному следующее. Если в среднем по развивающимся странам *доля городского населения* в 1970-2019 гг. выросла примерно вдвое (с 1/4 до 1/2), то в Индонезии - более чем втрое (с 16-18% до 55-57%), что говорит о наличии ряда признаков сравнительно интенсивной трансформации ее социума².

В рассматриваемый период среднегодовой темп прироста подушевого ВВП в Индонезии был выше, соответственно, в 1,5 и 2 раза, чем в целом по развивающимся и развитым государствам (3,6% vs 2,4 и 1,8%), в результате чего ее подушевой ВВП повысился от уровня развивающихся стран с 60 до 110% и с 1/10 до 1/4 от уровня развитых государств. Ускорила и динамика *индекса человеческого развития* (ИЧР, см. *граф. 4*). Его среднегодовой темп прироста утроился - с 0,7% в 1870-1950 гг. до 2,1-2,2% в 1950-2019 гг., превысив показатель и в целом по развивающимся странам (1,9%), и значительно - по развитым государствам (1,1%)³.

Если в среднем по странам Латинской Америки, Африки южнее Сахары и арабским странам *конвергенция по ИЧР к среднему уровню развитых государств* была сравнительно небольшой (в 1950-2019 гг., соответственно, в 1,2, 1,3 и 1,5 раза - с 46 до 57%, с 22 до 29% и с 35 до 54%), то, например, для КНР она была весьма значительной (рассматриваемый индикатор вырос более чем втрое - с 20 до 62%) и весьма существенной (двойное увеличение индикатора) для Индии (с 20 до 40%) и Индонезии (с 24 до 48%).

Для Индонезии, несмотря на существенные успехи в индустриализации, характерно, в целом, отставание в инновационной сфере.

Хотя в последние десятилетия в Индонезии норма расширенного накопления (в % от ВВП) имела тенденцию к росту, *доля инвестиций в человеческий капитал в совокупных расходах на развитие физического и человеческого капитала* в 2010-е гг. (1/5) оказалась ниже, чем в среднем по развивающимся странам (1/3), НИС (свыше 2/5) и развитым государствам (1/2-3/5). *Доля расходов на НИОКР* в Индонезии (0,2% ВВП) меньше в 5-6 раз, чем в целом по развивающимся странам (без КНР), в 10 раз меньше, чем в КНР, и в 13 раз - чем в развитых государствах (2,6% ВВП)⁴.

Во второй половине 2010-х гг. *доля населения с образованием не ниже среднего* в общей его численности в возрасте от 15 до 64 лет в Индонезии (~1/2) была выше, чем, например, в Индии (2/5), но существенно ниже, чем в КНР (свыше 2/3), НИС и развитых государствах (93-95%). При этом доля взрослого населения с высшим образованием в Индонезии, хотя и соответствовала среднему показателю в целом по развивающимся странам (7-9%), но была меньше вдвое, чем в таких странах, как Малайзия и Таиланд (15-17%), и вчетверо, чем в целом по развитым государствам и НИС (32-36%).

В конце 2010-х гг. охват населения Индонезии *широкополосным интернетом* (3-4%) был ниже, соответственно, в 3 и в 10 раз, чем в среднем по развивающимся странам (10-12%) и развитым государствам, а также НИС (34-36%) (рассчитано по: [10, р. 58-189]), а *число заявок на патенты в расчете на 1 млн человек* в Индонезии (37 штук) было, соответственно, в 8, 28 и 100 раз меньше, чем в среднем по развивающимся странам (277 штук), развитым государствам (1012) и НИС (3633)⁵.

² Рассчитано по источникам *к граф. 1*, а также: The UNDP. Human Development Report, New York, 2019, p. 173.

³ Рассчитано по источникам *к граф. 1*, а также: [14, с. 145, 201].

⁴ Рассчитано по источникам *к граф. 1*.

⁵ Рассчитано по источникам *к граф. 1*.

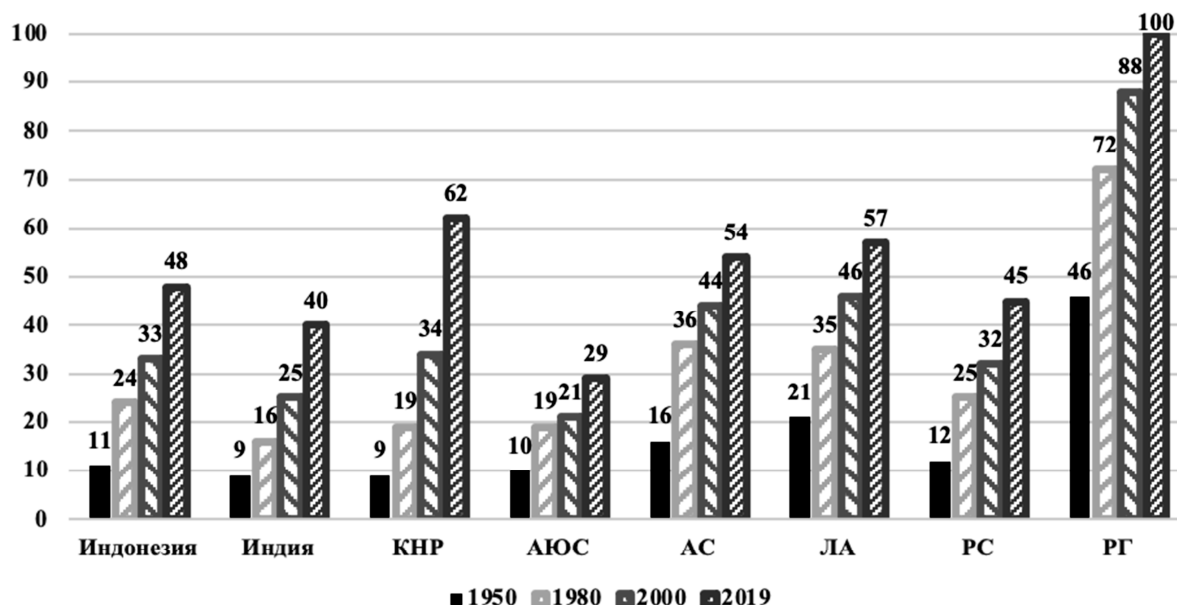

График 4. Динамика индекса человеческого развития (ИЧР) в развивающихся и развитых странах, 1950-2019 гг. (развитые государства в 2019 г. = 100), %.

Chart 4. Dynamics of the human development index (HDI) in developing and developed countries, 1950-2019. (developed countries in 2019 = 100), %.

Примечания: 1) ИЧР - среднее геометрическое не взвешенных показателей душевого ВВП (в ППС 2017 г.), средней продолжительности жизни от рождения, среднего числа лет обучения взрослого населения, отнесенных к среднему уровню развитых государств за 2019 г. 2) АЮС - Африка южнее Сахары, АС - арабские страны, ЛА - Латинская Америка, РС - развивающиеся страны, РГ - развитые государства.

Рассчитано по: по источникам к *граф. 1*, а также: [8, с. 206].

В 2019 г. по *индексу инновационного развития* Индонезия (74-е место в мире из 141 - из базы данных ВЭФ), обгоняя, например, Вьетнам (76-е), заметно отставала от Таиланда (50-е), Индии (35-е), Малайзии (30-е), КНР (24-е), Республики Корея (6-е место) [9, pp. 157, 280, 285, 325, 369, 563, 597].

Для Индонезии, несмотря на то, что ее развитие происходит с опорой на ТНК, характерно преобладание мелких и малых предприятий⁶, составлявших во второй половине 2010-х гг. 99% их общего числа и на которых было сосредоточено до 2/3 всех занятых. При этом только 6% всех предприятий базировались на новейших технологиях, а 64% и 30% - соответственно, на т.н. традиционных и промежуточных [11, pp. 31, 86].

В Индонезии доля в добавленной стоимости *обрабатывающей промышленности* средне-высокотехнологичных товаров (примерно 1/3) существенно меньше, чем в Индии, Таиланде, Малайзии и КНР (свыше 2/5), и намного ниже, чем в азиатских НИС (свыше 2/3), а доля в ее товарном экспорте *средне-высокотехнологичных товаров* не превышает 13% (в Индии 24-25%, в КНР - 56-57%), в т.ч. *высокотехнологичных товаров* - 3,5% в (Индии 6-8%, в КНР 28-29%, в среднем по развивающимся странам 14-15%)⁷. По *коэффициенту сложности экспорта* Индонезия в 2000-2019 гг. переместилась с 59-го на 63-е место в мире, отстав от Вьетнама (52-е место), Индии (45-е), Филиппин (33-е), Таиланда (25-е), КНР (19-е место из 130)⁸.

Эти факторы, наряду с последствиями *мирового финансового кризиса* и начавшейся деглобализацией мировой экономики, вызвали примерно двукратное торможение роста *совокупной факторной производительности* в Индонезии (в 2011-2019 гг. по сравнению с 2000-2008 гг.) [11, p. 5; 13, p. 109].

В результате проведения достаточно прагматичной экономической политики, способствующей экономическому росту, в Индонезии доля населения, живущего в *критической бедности*⁹ сократилась с 55% в 1990 г. до 35 - в 2000 г., 13 - в 2010 г. и 4% - в 2018 г.¹⁰, т.е. до уровня, который втрое ниже, чем в среднем по развивающимся странам.

⁶ До 19 человек, занятых на предприятии (*прим. авт.*).

⁷ Составлено и рассчитано по источникам к *граф. 1*, а также: [12, pp. 190-191].

⁸ Составлено по Economic Complexity Rankings. <https://www.visualcapitalist.com/countries-ranked-by-their-economic-complexity> (accessed 16.11.2020)

⁹ Подушное потребление менее \$1,9 в ППС 2011 г. в день.

¹⁰ В конце 2010-х гг. доля населения в Индонезии, проживавшей в условиях многокритериальной бедности, была примерно такой же, как в КНР (3-4%), ниже, чем на Филиппинах, в Египте и Мексике (5-7%), и в 7-8 раз ниже, чем в Индии (27-29%) [17].

Доля недоедающих в 1990-2018 гг. уменьшилась почти вдвое до менее 1/10. Хотя в стране *доля бедных*¹¹ заметно снизилась (соответственно, с 96 до 53%), сравнительно *невысокий уровень жизни* у почти 4/5 населения¹². В 2020 г. - в условиях пандемии и современного мирового кризиса - доля бедных выросла, но, по оценкам, заметно меньше, чем во многих других развивающихся странах [16].

В Индонезии, как, впрочем, и в ряде других развивающихся и развитых стран, в последние десятилетия существенно углубилось социальное неравенство. *Коэффициент Джини*¹³ по распределению доходов¹⁴ увеличился в 1999-2018 гг. на 1/5 - с 0,31-0,32 до 0,38 [18; 9, р. 281]. *Коэффициент Джини* по распределению богатства в 2010-2019 гг. вырос с 0,77 до 0,83, оказавшись, хотя и ниже, чем, например, в Таиланде и США (0,84-0,85), но на уровне с Африкой, Латинской Америкой и Индией (0,82-0,83), и намного выше, чем в Турции (0,79), Франции и КНР (0,69-0,70), Японии (0,63) и Республике Корея (0,61).

В рассматриваемый период *доля топового 1%-ного населения* в совокупном богатстве Индонезии увеличилась круче, чем в ряде других стран, - с 32 до 45%, достигнув уровня, который ниже, чем, например, в Таиланде (50%), но выше, чем в Африке, Латинской Америке, Индии и Турции (38-43%), США (35%), и намного выше, чем во Франции (22%) и Японии (18%).

Сказанное подтверждается и ростом в Индонезии в тот же период *коэффициента Пальма*¹⁵ по распределению богатства - с 33 до 49, который, правда, не достиг планки Таиланда, Африки, Индии и Латинской Америки (*коэффициент Пальма* равен, соответственно, 55, 60, 68 и 180), но выше, чем в Турции, Франции, КНР, Республике Корея и Японии (соответственно, 28, 17, 11, 8 и 5) (составлено и рассчитано по: [19]).

Увеличение неравенства в распределении дохода и богатства сверх определенного предела [20] (а Индонезия, по нашим оценкам, похуже, достигла его или уже весьма близка к нему), ограничивая эффективный спрос, возможности наращивания человеческого капитала и, как правило, сказываясь - в тенденции - негативно на инвестиционном климате, может начать сдерживать ее экономический рост.

МЕРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ПОДДЕРЖКЕ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Данная статья готовилась в период, когда широкое распространение коронавирусной инфекции *COVID-19*, начавшееся в начале 2020 г., внесло коррективы в экономическое развитие практически всех стран мира. Пандемия спровоцировала самый серьезный за многие десятилетия глобальный экономический спад. Согласно отчету ВБ, по итогам 2020 г. темп совокупного экономического роста стран Восточной Азии и Тихоокеанского региона упал до 0,9%, что стало самым низким показателем начиная с 1967 г.¹⁶

Индонезия в 2020 г. впервые со времён Азиатского кризиса 1998 г. погрузилась в экономическую рецессию: ВВП по итогам года сократился на 2,07% (в 2019 г. рост ВВП составил 5,02%). При этом в допандемийный период прогнозы экспертов и правительства относительно роста экономики страны в 2020 г. были весьма оптимистичны и варьировались в диапазоне 5,1-5,5%.

Следует подчеркнуть, что Индонезия пострадала от пандемии в гораздо меньшей степени, чем большинство других государств региона. Так, по итогам 2020 г. экономика Малайзии, согласно оценкам ВБ, сократилась на 5,8%, Таиланда - на 6,5%, Филиппин - на 8,1%. Все региональные правительства столкнулись с поиском компромисса между необходимостью сдержать распространение пандемии, сохранить политическую стабильность и поддержать экономику [21].

Центральное правительство Индонезии сфокусировалось, прежде всего, на минимизации возможных социально-экономических последствий пандемии *COVID-19*. В конце февраля 2020 г., еще до введения широкомасштабных мер по ограничению социальной активности, с целью смягчения возможных негативных экономических последствий правительство Индонезии анонсировало *первый пакет стимулов* для экономики на общую сумму 10,3 трлн индонезийских рупий (\$725 млн). Комплекс мер был направлен, прежде всего, на поддержку туристического сектора, который один из первых почувствовал на себе надвигающийся кризис в отрасли. На тот момент, согласно официальной статистике, в Индонезии не было зафиксировано еще ни одного случая заболевания *COVID-19*¹⁷.

¹¹ Подушевое потребление менее \$5,5 в ППС 2011 г. в день.

¹² Составлено по: Poverty headcount ratio. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators> (accessed 30.10.2020), а также: [14; 15, р. 34].

¹³ Изменяется от 0 (всем поровну) до 1 (все достается одному).

¹⁴ По данным после уплаты налогов и предоставления субсидий.

¹⁵ Коэффициент Пальма равен отношению потребления/доходов/богатства наиболее состоятельных 10% населения к сумме потребления/доходов/богатства наиболее бедных 40% населения (*прим. авт.*).

¹⁶ The World Bank // Global Economic Prospects: East Asia and Pacific <https://pubdocs.worldbank.org/en/608291599838742673/Global-Economic-Prospects-January-2021-Analysis-EAP.pdf> (accessed 25.03.2021)

¹⁷ О первом подтвержденном случае заражения было объявлено 2 марта 2020 г. При этом, как отмечается, на первых порах правительство намеренно утаивало информацию о росте числа инфицированных коронавирусом, чтобы избежать паники в обществе (*прим. авт.*).

Второй пакет стимулирующих мер для экономики на сумму 120 трлн рупий (около \$8,5 млрд), направленный на поддержку внешней торговли был представлен 13 марта 2020 г. В целях стимулирования международной торговли были облегчены экспортно-импортные операции (введены системы электронного документооборота и работа службы «единого окна») по многим товарам и понижены взимаемые на них торговые пошлины.

Китай является крупнейшим торговым партнером Индонезии¹⁸. В связи с принятыми мерами по ограничению распространения *COVID-19* перебои в поставках товаров из КНР, в т.ч. сырья и полуфабрикатов для промышленности, повлияли на работу большинства индонезийских предприятий. Так, например, заводы по производству пластмасс, текстиля и стали используют 20-30% китайского сырья. В феврале 2020 г. индонезийский импорт из Китая снизился на 35% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. и составил \$2 млрд¹⁹.

С целью преодоления неопределенности в международной торговле, а также проблем, связанных с торговой напряженностью между США и Китаем (крупнейшие торговые партнеры Индонезии), индонезийское правительство активизировало работу по диверсификации международных цепочек поставок, поиску новых торговых партнеров. В июле 2020 г. вступило в силу Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве между Индонезией и Австралией, в декабре состоялось подписание Соглашения о всеобъемлющем экономическом партнерстве между Индонезией и Южной Кореей, переговоры по которому длились почти 10 лет [22, с. 100-101].

Важным событием для стран-участниц Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в т.ч. Индонезии, а также Китая, Австралии, Японии, Республики Корея и Новой Зеландии стало подписание 15 ноября 2020 г. на полях онлайн-саммита АСЕАН Соглашения о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), которое формирует крупнейшую в мире зону свободной торговли, охватывающую 30% мирового ВВП. Согласно данным Министерства торговли Индонезии, по итогам 2019 г. 61,6% экспорта и 71,3% импорта Индонезии пришлось на страны - участницы ВРЭП.

Наиболее тяжёлый урон от «коронавирусного» кризиса понесли беднейшие слои населения, а также микро-, малые и средние предприятия (ММСП) и занятые на них. На фоне резкого сокращения рабочих мест и закрытия предприятий число граждан, живущих за чертой бедности, по состоянию на сентябрь 2020 г., возросло до 27,5 млн: уровень бедности достиг 10,2% (годом ранее был равен 9,22%)²⁰.

Правительством Индонезии было уделено особое внимание поддержке ММСП как основного драйвера экономического роста страны (на их долю приходится 60% ВВП). Ставки налога на прибыль в период 2020-2021 гг. снижены с 25% до 22%, а с 2022 по 2023 гг. - до 20% [22, с. 101]. Кроме того, микро-, малым и средним предприятиям предоставлены субсидии на оплату электроэнергии и частичное покрытие выплат по кредитам, а также отсрочки по погашению задолженностей на 6 месяцев.

31 марта 2020 г. президент Джоко Видодо объявил о дополнительном выделении 405 трлн рупий (около \$29 млрд), в т.ч. 150 трлн - на реализацию программы по восстановлению экономики, которая включает в себя реструктуризацию кредитов и финансирование малого и среднего бизнеса, 75 трлн - на поддержку здравоохранения, 110 трлн - на систему социальной защиты граждан.

Очередное финансирование программ по восстановлению национальной экономики было осуществлено в августе 2020 г. на сумму 534,98 трлн рупий (около \$38 млрд). Таким образом, на конец августа 2020 г. общая сумма денежных средств, выделенных из бюджета Индонезии на борьбу с *COVID-19* и смягчение последствий надвигающейся экономической рецессии, составила около \$50 млрд - примерно 3,2% годового ВВП Индонезии. В связи с крупномасштабным финансированием экономики и одновременно снижением налоговых поступлений, индонезийское центральное правительство было вынуждено поднять законодательно установленный «потолок» бюджетного дефицита в 3% ВВП. По итогам 2020 г. дефицит бюджета достиг 6,03% ВВП Индонезии, что немного ниже прогнозного значения, равного 6,34%. Ожидается, что в 2021 г. он составит около 5,7% ВВП. Правительство Индонезии ожидает, что к 2023 г. государственный бюджет вернется к нормальному состоянию и верхняя граница по дефициту будет снижена до 3% ВВП.

С целью финансирования экономики в период борьбы с пандемией *COVID-19* и ее последствиями на первых этапах правительством использовались накопленные ранее финансовые резервы на сумму 70 трлн рупий (около \$5 млрд), а также средства целевого фонда образования около \$4 млрд. Для получения дополнительных финансирования в апреле 2020 г. были выпущены долговые обязательства - т.н. «пандемические облигации» - на общую сумму 449 трлн рупий (около \$32 млрд) с самым длительным в истории выпуска долговых ценных бумаг в Индонезии - сроком на 50 лет²¹.

¹⁸ По данным Центрального статистического управления Индонезии (*BPS*), в 2019 г. китайский импорт в Индонезию (не нефтегазового сектора) в стоимостном выражении составил \$44,5 млрд (*прим. авт.*).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Govt scraps plan to issue \$30b worth of «pandemic bonds». *The Jakarta Post*. <https://www.thejakartapost.com/news/2020/05/11/govt-scraps-plan-issue-30b-worth-pandemic-bonds.html> (accessed 9.08.2020)

В 2020 г. Индонезия испытала первую рецессию за более чем два десятилетия. Ее экономика начала восстанавливаться в 4-м квартале 2020 г., когда ее ВВП сократился на 2,19%, что стало минимальным снижением, по сравнению двумя кварталами ранее (-5,32% - во 2-м квартале и -3,49% - в 3-м квартале)²². В январе 2021 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) обновила свой прогноз по росту ВВП Индонезии на 2021 г. и 2022 г., повысив прежний показатель с 4% до 4,9%, и на 0,3 проц. пункта до 5,4%, соответственно.

Повышение прогнозных показателей обусловлено рядом причин: во-первых, с января 2021 г. в Индонезии запущена национальная программа по бесплатной вакцинации населения, в рамках которой к марту 2022 г. планируется вакцинировать 181 млн человек (около 70% населения страны). Во-вторых, правительство Индонезии приняло решение увеличить на 20,6% бюджет по финансированию программы восстановления национальной экономики в 2021 г., доведя его до 699,4 трлн рупий (около \$48,4 млрд).

Кроме того, в феврале 2021 г. Индонезии удалось достичь положительного сальдо торгового баланса в размере \$2 млрд (экспорт составил \$15,3 млрд), что, в свою очередь, было обусловлено ростом цен на сырьевые товары (Индонезия является крупным экспортером пальмового масла, угля, металлов) и восстановлением международной торговли, в частности, с Китаем, США и Японией - крупнейшими импортерами индонезийских товаров.

В долгосрочной перспективе представляется сложной задачей спрогнозировать влияние кризиса, вызванного пандемией *COVID-19* на экономики стран ЮВА. Большая часть региона понесла значительные человеческие и экономические потери. В Индонезии по мере распространения эпидемии и роста числа заболевших возникали опасения по поводу кризиса системы здравоохранения в связи с ее перегруженностью (по состоянию на конец апреля 2020 г., в Сингапуре на 1 тыс. человек приходилось 2,41 врача, в Брунее - 1,77, в Малайзии - 1,51, а в Индонезии - лишь 0,38²³). Однако коллапса удалось избежать. Были предприняты дополнительные усилия для борьбы со вспышкой *COVID-19*, и система здравоохранения оказалась более устойчивой, чем ожидалось, хотя количества смертей среди заболевших, а также среди врачей и медсестер довольно велико, а система мониторинга заболеваний все еще находится в зачаточном состоянии.

Впрочем, есть и позитивные моменты в текущем «коронавирусном» кризисе. Именно в сегодняшних непростых условиях возник мощный импульс для реформирования национальной системы образования и здравоохранения, создания эффективных институтов. На протяжении 2020 г. правительство Индонезии принимало меры по улучшению инвестиционного климата и упрощению условий ведения предпринимательской деятельности, реформируя нормативно-правовую базу²⁴.

Глобальные и региональные изменения в спросе на технологические решения, цифровые приложения для мобильных устройств (которое стали особенно востребованы в период пандемии коронавируса), а также государственная политика, призванная поддержать этот сектор, будут стимулировать развитие инноваций, что, в свою очередь, укрепит позиции предпринимателей, работающих в сфере ИКТ. Концепция цифровой экономики Индонезии, которая начала формироваться до кризиса, вероятно, будет играть существенную роль после пандемии, станет одним из ключевых факторов создания рабочих мест и экономического роста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт модернизации одной из крупнейших стран развивающегося мира - Индонезии, которая на протяжении полувека, в целом, более или менее системно осуществляла прагматичные реформы, развивая рыночную экономику, поощряя предпринимательство и повышая (с крайне низкого уровня) качество государственного управления, показывает, что развивающаяся страна, прилагающая целенаправленные усилия, за время, равное двум поколениям людей, может, несмотря на немалые проблемы и трудности, добиться многого.

Чтобы, как говорится, рельефнее ощущался масштаб достижений Индонезии, заметим, что в 1990-2019/2020 гг. объем ее ВВП (в ППС 2017 г.) вырос с 1/4 до 4/5 от уровня Российской Федерации (и не исключено, что Индонезия сможет догнать последнюю к середине 2020-х гг.). Показатели объема добавленной стоимости, созданной в обрабатывающей промышленности Индонезии, и экспорта ею *средне-высокотехнологических товаров*, составлявшие в 1990 г. 13-15% от уровня России, в 2019 г. превысили его, соответственно, на 22-23 и 2-3%²⁵.

²² По данным BPS.

²³ Explaining successful (and unsuccessful) COVID-19 responses in Southeast Asia. *The Diplomat*. <https://thediplomat.com/2020/04/explaining-successful-and-unsuccessful-covid-19-responses-in-southeast-asia/> (accessed 5.12.2020)

²⁴ В 2020 г. принят Закон № 11/2020 г. «О создании рабочих мест» (*Job Creation Law*), который направлен на улучшение инвестиционного климата и создание благоприятных условий бизнеса в стране, расширение перечня секторов, доступных для иностранных капиталовложений (*прим. авт.*).

²⁵ Рассчитано по источникам к *граф. 1*.

В Индонезии произошел существенный рывок в ряде важнейших характеристик человеческого развития (о чем, в частности, свидетельствует быстрый рост ее ИЧР). Но мир в последнее время стремительно меняется.

Для сохранения международной конкурентоспособности в современных условиях Индонезии, имеющей уже, в целом, неплохой промышленный задел, достаточно приличный для небогатой страны уровень управления²⁶ и растущий демографический дивиденд²⁷, необходимо:

(а) существенно повысить уровень подготовки рабочей силы; (б) обеспечить приоритетное развитие коммуникаций и инновационных отраслей экономики; (в) усилить борьбу с коррупцией, умерить рост неравенства и, наращивая усилия по развитию внутреннего рынка (что весьма актуально для крупной страны, расположенной на почти 18 тыс. островов), максимально использовать возможности для активизации внешнеэкономических связей в рамках АСЕАН, АТЭС и в более широком формате.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М., ИВ РАН, 2007.
2. Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris, OECD, 2003.
3. Van der Eng P. The Sources of Long-term Economic Growth in Indonesia, 1880-2008. *Explorations in Economic History*. 2008. Vol. 47. № 1.
4. Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996.
5. Kuznets S. Economic Growth of Nations. Cambridge (Mass.), 1971.
6. Мельянцева В.А., Горожанкина А.А. Южнокорейское чудо, или не боги горшки обжигают. *Восток/Oriens*. 2018. № 3.
7. Мельянцева В.А., Матюнина Л.Х. Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980-2010-е годы). М., 2019.
8. Мельянцева В.А. Развивающиеся страны в эпоху перемен. М., 2009.
9. The World Economic Forum. Global Competitiveness Report. Geneva, 2019.
10. The WEF. The Global Human Capital Report, 2017. Geneva, 2017.
11. ADB. Indonesia. Unlocking Growth through Technological Transformation. Mandaluyong Citi, 2020.
12. UNIDO. Industrial Development Report. Vienna, 2020.
13. APO. Productivity Databook, 2019. Tokyo, 2019.
14. Dream state: Widodo struggles to build his vision for Indonesia. *The Economist*. 24.09.2020. <https://www.ft.com/content/322c7f9b-310a-4c4f-ae6e-598328f59028> (accessed 24.09.2020)
15. The World Bank. Investing in People. Jakarta, 2020.
16. Covid-19: The Global Crisis in Data. *The Financial Times*. 19.10.2020. <https://ig.ft.com/coronavirus-global-data/> (accessed 19.10.2020)
17. The UNDP. Global Multidimensional Poverty Index, 2020. N.Y., 2020.
18. Reducing Inequality in Indonesia. The World Bank. October 22, 2014. <https://www.worldbank.org/en/country/indonesia/brief/reducing-inequality-in-indonesia> (accessed 10.10.2020).
19. Credit Suisse. Global Wealth Databook, 2010; 2019. Geneva.
20. Мельянцева В.А. Торможение глобальной экономики и (полу)периферийные страны. *Азия и Африка сегодня*. 2016, № 10.
21. Рогожин А.А., Рогожина Н.Г. COVID-19 в Юго-Восточной Азии: проблемы и решения. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 5. С. 181-203. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-11
22. Мельянцева В.А., Адлова И.С. Основные факторы экономического роста Индонезии - четвертой экономики Азии. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2021, № 1. С. 86-106. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106.
23. The Foundation for Value Creation. Elite Quality Report. 2020. Zurich and Geneva, 2020.
24. The World Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (accessed 28.10.2020); The UNCTAD. Economic Trends. <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (accessed 28.10.2020); The UNDP. Human Development Report, New York, 2019, p. 301.

REFERENCES

1. Pakhomova L.F. 2007. Models for Prosperity (Singapore, Malaysia, Thailand, Indonesia). Moscow. (In Russ.)
2. Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris, OECD, 2003.
3. Van der Eng P. 2008. The Sources of Long-term Economic Growth in Indonesia, 1880-2008. *Explorations in Economic History*. Vol. 47. № 1.
4. Meliantsev V.A. 1996. East and West in the second millennium: economy, history and modernity. Moscow. (In Russ.)
5. Kuznets S. 1971. Economic Growth of Nations. Cambridge (Mass.), 1971.

²⁶ По качеству управленческой, предпринимательской и профессиональной элиты Индонезия в 2020 г. входила в высшую четверть крупных развивающихся стран. См.: [23, p. 1].

²⁷ Доля населения в возрасте 15-64 лет, которая сократилась, например, в среднем по развитым государствам с 67% в 2005 г. (поворотная точка) до 64% - в 2019 г., в КНР - с 73,3% в 2010 г. до 70,7% - в 2019 г., в целом по развивающимся странам - с 2015 г. (но пока незначительно), в Индонезии в 1970-2019 гг. продолжала увеличиваться - с 53,5 до 67,7% (составлено по источникам к *граф.* 1, а также: [15, p. 39]).

6. Meliantsev V.A., Gorozhankina A.A. 2018. South Korea's miracle, or not gods but humans make pots. *Vostok/Oriens*. № 3. Moscow. (In Russ.)
7. Meliantsev V.A., Matiunina L.H. 2019. Essays on macroeconomic and financial development of the countries of the East and West (1980-2010s). Moscow. (In Russ.)
8. Meliantsev V.A. 2009. Developed and developing countries in an era of change. Moscow. (In Russ.)
9. The World Economic Forum. Global Competitiveness Report, 2019. Geneva.
10. The WEF. The Global Human Capital Report. Geneva, 2017.
11. ADB. Indonesia. Unlocking Growth through Technological Transformation. Mandaluyong Citi, 2020.
12. UNIDO. Industrial Development Report. Vienna, 2020.
13. APO. Productivity Databook, 2019. Tokyo, 2019.
14. Dream state: Widodo struggles to build his vision for Indonesia. *The Economist*. 24.09.2020. <https://www.ft.com/content/322c7f9b-310a-4c4f-ae6e-598328f59028> (accessed 24.09.2020)
15. The World Bank. Investing in People. Jakarta, 2020.
16. Covid-19: The Global Crisis in Data. *The Financial Times*. 19.10.2020. <https://ig.ft.com/coronavirus-global-data/> (accessed 19.10.2020)
17. The UNDP. Global Multidimensional Poverty Index, 2020. N.Y., 2020.
18. Reducing Inequality in Indonesia. The World Bank. October 22, 2014. <https://www.worldbank.org/en/country/indonesia/brief/reducing-inequality-in-indonesia> (accessed 10.10.2020).
19. Credit Suisse. Global Wealth Databook, Geneva, 2019.
20. Meliantsev V.A. Slowing down the global economy and (semi) peripheral countries. *Asia and Africa today*. 2016, № 10. (In Russ.)
21. Rogozhin A.A., Rogozhina N.G. 2020. COVID-19 in Southeast Asia Problems and Solutions. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, № 5, pp. 181-203 (In Russ.). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-11
22. Meliantsev V.A., Adrova I.S. 2021. Main factors of economic growth in Indonesia - the fourth economy of Asia. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. № 1. С. 86-106. (In Russ.). DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106
23. The Foundation for Value Creation. Elite Quality Report, 2020. Zurich and Geneva, 2020.
24. The World Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (accessed 28.10.2020); The UNCTAD. Economic Trends. <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (accessed 28.10.2020); The UNDP. Human Development Report, New York, 2019, p. 301.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мельянцев Виталий Альбертович, доктор экономических наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В.Ломоносова, заведующий кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки, ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Адрова Ирина Сергеевна, аспирантка кафедры международных экономических отношений стран Азии и Африки, ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Vitalii A. Meliantsev, Dr.Sc. (Economics), Professor, Head, Department of International Economic Relations of Asian and African countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; member, Editorial Board, "Aziya i Afrika segodnya" journal. Moscow, Russia.

Irina S. Adrova, Post-graduate student, Department of International Economic Relations of Asian and African countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
08.02.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 28.03.2021

Принята к публикации (Accepted)
12.04.2021